Борис Пильняк

Жулики

ФТМ

Борис Пильняк

Жулики

«ФТМ»

1925

Пильняк Б. А.

Жулики / Б. А. Пильняк — «ФТМ», 1925

ISBN 978-5-4467-1210-6

«Письмо и повестка пришли одновременно, привезли их вечером. – Пусть прошло семь лет с того июльского дня, когда в селе, – в сенокосном удушье они, она и он ходили в церковь венчаться и поп все посматривал в окно – не пойдет ли дождь, не опоздать бы ворошить сено – тогда он настаивал на церкви, и она, стоя под венцом, всё хотела собрать мысли и перевспомнить всю свою жизнь...»

ISBN 978-5-4467-1210-6

© Пильняк Б. А., 1925
© ФТМ, 1925

Борис Пильняк
Жулики

Письмо и повестка пришли одновременно, привезли их вечером. – Пусть прошло семь лет с того июльского дня, когда в селе, – в сенокосном удушье они, она и он ходили в церковь венчаться и поп все посматривал в окно – не пойдет ли дождь, не опоздать бы ворошить сено – тогда он настаивал на церкви, и она, стоя под венцом, всё хотела собрать мысли и перевспомнить всю свою жизнь – и не могла, следила за батюшкой и за тучей на горизонте: и, правда, пошел дождик, и батюшка из церкви побежал в поле копнить… – пусть прошло семь лет, пусть сейчас вечер: не могли не поникнуть и руки, и голова и вся она, – именно потому, что время идет, время уносит ничего не вернешь, все проходит. У женщины в тридцать семь любовь, многое – позади; у мужчин в тридцать семь – только разве замедлились чуть-чуть движенья дней и вечеров.

Решить надо было б правильно и просто – так, что письма и повестки из суда, где стоит казенное слово «ответчица», не было: – все кончено без судов, кончено временем, и его правом сильного, и ее гордостью, – и надо было бы вновь взять ведро и пойти к колодцу за водой, и полить рассаду (огромная радость сеять в земле и видеть, как возрастает тобою посаженное!): – заспешила, вспомнила, какие тряпки в чемодане надо отобрать, что взять с собою… – пусть стрижи за окном летают, обжигают воздух так же, как каждую весну: все – пусть!

Что же, у нее есть труд, у нее есть труд впереди, есть заботы, у нее будут вечера, – надо жить: надо жить!

Сторож Иван, – он же кучер, он же дворник, он же: – ну, как каждый день не ругать его, когда ему говоришь про Фому, а он отвечает Ерёмой?! Он сказал, что пароход проходит теперь на заре, надо выехать с полночи. И в полночь Иван потащил по грязям на телеге – полями, просторами, непокойным рассветным ветром; рассвет отгорел всем земным благословением; а на берегу узналось, что пароход будет только к вечеру: Иван покряхтел, помотал головой, и уверив, что скотине дома никто без него толком не задаст, уехал обратно. На воде, у берега стояла мертвая конторка, на горе прилепилась изба. На пороге избы сидела баба. Бессонная ночь вязала движенья и нельзя было додумывать мыслей.

Баба от избы покликала, сели рядом, на пороге.

– Вы, что же, сторожами здесь живете?

– Муж мой лесным сторожем служит. Сами мы дальние. Детей у меня четверо, четыре сына.

И так и запомнился этот день – пустой, с пустой конторкой, с избой над рекою, – и со счастливой женщиной. К полдням все уже зналось, – что эта баба счастлива, что она и ее муж хохлы (так сказала она), киевляне, – что муж ее тихий и добрый человек, двадцать лет служил у немца-колониста, и немец любил его за доброту (немец иной раз и бивал мужа, но муж был добрый, незлобивый, – не сердился, а немец любил: даже корову собственную разрешал держать), – что на Украине у нее дочь, замуж вышла, детей народила, внучат; старший сын ее теперь тоже лесником служит, женился было, да неудачную жену себе взял, все с другими мужиками бегает, – собирался было разводиться, пошли в волость расписываться, но в волости затребовали рубль шесть гривен: – так и не развелись, денег жалко; остальные три сына при отце живут, один комсомолец, – а жалования муж получает, слава богу, восемь рублей на своих харчах. Была эта баба морщиниста, как старый гриб, ходила в красном платке, и была, была счастливой безмерно, всем на этом свете довольной: комсомолец, сын ее, теперь ходил на раскопки, – рыли курган, вырывали гроба из веков, – платили ему тридцать копеек в день, дуром валились деньги, – и нельзя было исчерпать бабиного счастья. В избушке на

горе было по-малороссийски чисто, выбелено известью, – от русской печи сидеть там было душно и мухи донимали: сидели все время на пороге. Приходили в заполдни муж и сыновья, обедали, посадили и гостью за стол, ели из общей миски щи из свежей крапивы; мужчины были молчаливы, поели, покрестились и легли в тени у дома спать; и гостью отвели спать – в сарай на сено; разбудили к чаю: самовара не было, кипятили воду на костре, у костра и попили чаю; отец взял винтовку, пошел в лес, сыновья пошли по своим делам; и опять старуха говорила в счастье, о том, что муж незлобивый, ему и в морду можно дать. Послеобеденный сон скомкал время, баба говорила тихо и внимательно, и казалось, что изба эта, и эта баба, и ее дела, и сыновья, и муж – известны с испокон веков, и не было сил – хотя бы внутренне бунтовать против этого бабиного счастья: все было все равно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.